

М. И. Одинцов

ВЕРОИСПОВЕДНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1943–1953 гг.

Великая Отечественная война потребовала мобилизации не только организационных, финансовых, материальных ресурсов, но и ресурсов моральных, духовных, патриотических. Для партийно-советского руководства еще со времен Всесоюзной переписи 1937 г. не было секретом, что значительная часть населения Советского Союза относилась к категории верующих, а в условиях военных, как известно, мало кто не обращается к небу в поисках защиты и спасения. Существенным потенциалом влияния на эту категорию граждан могли быть действовавшие в стране религиозные организации и духовенство различных конфессий¹.

Собственно, с первых дней войны начинает меняться ситуация: открываются храмы и молитвенные дома, разрешаются общецерковные сборы средств и внекультовая деятельность; не чинятся препятствия массовым богослужениям и церемониям; расширяется издательская деятельность церквей; признаются де-факто религиозные центры, и им разрешается устанавливать связи с зарубежными религиозными организациями. Даже функционеры Союза воинствующих безбожников, поначалу славившие в Москву панические сообщения о «реакционной деятельности духовенства и сект», вскоре включаются в общую патриотическую работу, помогая верующим и духовенству в организации денежных и иных сборов в фонд обороны страны. В лекционной работе уходит в прошлое антирелигиозная тематика, уступая место сообщениям о патриотической деятельности религиозных объединений и верующих, об отношении фашистов к религиям народов Советского Союза, о положении религий и церквей в странах-союзниках. Одновременно на страницах официальной прессы (партийной и советской) появляются статьи о патриотической деятельности Православной и других церквей. В кинохронику, показываемую на

¹ См.: Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.). М., 2005.

фронте и в тылу, включаются кадры церковных служб, обращения к бойцам Красной армии духовенства, крестные ходы, встречи верующими и духовенством с иконами советских солдат-освободителей.

К концу 1941 – началу 1942 г. отчетливо проявилась политическая значимость религиозного вопроса как для ситуации на оккупированной немцами территории, так и для внутрисоветской обстановки в Советском Союзе. Она сконцентрировалась вокруг наиболее болевой проблемы – отношения немецких оккупационных властей и советского государства к самой крупной религиозной организации – Русской православной церкви, члены которой оказались разделенными фронтом, и от политической позиции которых во многом зависел исход войны.

Вслед за обращением митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) к православной пастве, прозвучавшем в первый же день войны, свою патриотическую позицию выразили и другие религиозные центры: Обновленческая православная церковь, Грузинская православная церковь, Армянская апостольская церковь, лидеры мусульманских, иудейских, буддийских, протестантских организаций. Чувство патриотизма оказалось сильнее прошлых горьких обид. Обращаясь к верующим, духовные лидеры призывали их достойно выполнить свой религиозный и гражданский долг, осуждая изменников и предателей.

Думается, что именно это было главным и этим объясняется то, что советское государство пошло навстречу религиозным организациям, предоставляя им все большую степень свободы и разнообразия культовой и внекультовой деятельности, допуская духовенство в армию и привлекая к участию в деятельности государственных и общественных организаций.

Существовал и внешнеполитический фон, на котором происходили подвижки в вероисповедной политике государства. Имеется в виду стремление стран-союзниц формирующейся антигитлеровской коалиции показать, что среди ценностей, которые защищаются и отстаиваются в начавшейся войне, – ценности религиозной свободы. И в США, и в Великобритании, и в других странах правительства должны были учитывать настроение верующей части населения, а оно в начале войны было не в пользу СССР, который воспринимался как страна, где нет и не может быть, в силу присущей ей коммунистической идеологии, свободы религии. Отсюда настойчивость, с которой союзники призывали руководителей советского государства сделать шаги навстречу верующим и религиозным организациям. Замечу, что интерес к религиозным ценностям как к ценностям общественно значимым, стремление опереться на массовые религиозные организации были свойственны всем странам в условиях Второй мировой войны. Намерение советского руководства пойти этим же

путем, безусловно, восприняты были положительно. Можно говорить, что к концу 1942 г. перелом в настроениях верующих масс за пределами СССР к войне советского народа, к политике советского государства свершился.

На мой взгляд, внешнеполитический фактор не был определяющим, но он, безусловно, оказал воздействие на Сталина и его окружение: В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Д. П. Берия, В. Н. Меркулова. Думаю, что именно кто-то из этих сподвижников вождя весной–летом 1943 г. мог быть первым, кто предложил развивать в конструктивном направлении отношения с религиозными организациями, сформировать специальный правительственный орган «по делам религий»; и, наконец, провести встречу Сталина с православными иерархами.

В течение сентября–октября 1943 г. предположения материализовались и, прежде всего, в создании Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР². Хотя Сталин первую пару лет непосредственно обращался к религиозным проблемам, давал личные санкции на те или иные действия, но основная практическая работа пала на плечи Молотова – заместителя председателя союзного Совнаркома и наркома иностранных дел. Однако предполагать, что и он днями и ночами только и делал, что думал о практическом наполнении нового курса правительства в религиозном вопросе, было бы странным. В логике тогдашней бюрократической машины, да еще в условиях войны, обязанность думать и разрабатывать, предлагать и отстаивать ложилась непосредственно на руководителей союзных ведомств, в нашем случае – на председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова. И Сталин, и Молотов считали для себя достаточным, что приняли политическое решение по изменению религиозного курса, а уж далее, будьте добры, предлагайте и реализуйте... т. Г. Г. Карпов. Знакомство с документами Совета, а их опубликовано значительное количество, показывает, что почти все, что мы сегодня характеризуем как положительное в государственно-церковных отношениях военного и послевоенного, вплоть до 1953 г., времени, есть не что иное, как предложения Карпова, изложенные им в докладах, записках, отчетах, письмах и нашедшие поддержку у руководства страны. Этот человек оказался в нужный час и в нужном месте, с уровнем профессиональных, гражданских и человеческих качеств, необходимым для нового дела. Трудно было ожидать, что он, как и вся тогдашняя партийно-государственная элита воспитанный

² См.: Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб., 2013.

на борьбе и войне «с религиями, попами и церквями», сможет выйти за рамки усвоенного. Но он смог и поступал не как все! Вот почему нам интересна эта фигура, и мы не должны размениваться на огульную критику, отрицание и умаление его вклада в конструктивный диалог государства и Русской церкви, в возрождение русского православия на просторах СССР.

Урегулирование отношений государства с Русской православной церковью оказало благотворное воздействие и на позицию государства в отношении иных церквей и религиозных объединений. В мае 1944 г. Совнарком принял постановление об организации еще одного государственного органа – Совета по делам религиозных культов, в ведение которого передавались «связи» со всеми другими, кроме православных, религиозными организациями. Председателем Совета был утвержден И. В. Полянский, также выходец из спецслужб. В программе заявлен доклад о Совете, поэтому только отмечу, что масштабы его в сопоставлении с работой Совета Карпова, конечно, менее значительны. Но это ни в коей мере не умаляет того факта, что Совету во многом удалось снять напряженность между государством и неправославными культурами, добиться защиты интересов верующих и религиозных объединений.

Было бы неверным не упомянуть еще один орган «по делам религий» – Совет по делам Армяно-григорианской церкви³, созданный Совнаркомом СССР в октябре 1943 г. при СНК Армянской ССР. Вот здесь не приходится спорить – основным мотивом создания был именно внешнеполитический фактор. За пределами СССР присутствовала исторически сложившаяся, большая, достаточно богатая и влиятельная армянская диаспора в странах Европы, Ближнего Востока, Северной и Южной Америки. На Совет возлагалась обязанность обеспечивать связь «между правительством Армянской ССР и католикосом всех армян по вопросам Эчмиадзина, требующим разрешения правительства Армянской ССР». Поскольку в тот момент избранного католикоса не было, его функции исполнял архиепископ Георг (Геворг) Чеорекчян. Упоминание этого имени оправдано хотя бы тем, что он был вторым религиозным деятелем, которого принял Сталин (апрель 1945 г.), и который из его уст и рук принял разрешение на проведение Собора для избрания католикоса всех армян, на возрождение Армянской церкви. И именно он через два месяца в Эчмиадзине на Соборе Армянской церкви был избран патриархом-католикосом и принял имя Георг VI.

³ Ныне – Армянская апостольская церковь.

Если структурировать во временном измерении государственную вероисповедную политику советского государства, то нет сомнений, что десятилетие, с 1943 по 1953 г., это особый цельный период. На протяжении десятилетия импульс, данный в 1943–1944 гг., сохранял свою силу, обеспечивая религиозное возрождение в Советском Союзе. Сошлюсь просто на статистику:

Годы	Всего	В том числе	
		православных	иных
1945	около 11 000	10 243	около 500
1946	более 16 000	10 547	около 5500
1947	более 20 000	13 813	около 6200
1948	20 459	14 189	6270
1949	19 774	14 329	5445
1950	19 503	14 274	5229
1951	19 013	13 867	5146
1952	18 864	13 740	6124
1953	18 591	13 509	5082

Пик статистического максимума пришелся на 1948 г. В последующие годы на территории СССР не открывались церкви и молитвенные дома всех религиозных направлений, хотя в центральные и местные органы власти поступали многочисленные обращения верующих. Одновременно под различными предлогами, по нарастающей: от десятков до тысяч, закрывались храмы, мечети и другие культовые здания. Такая политика запустила другое статистически ощутимое явление: последовательный рост в большинстве советских республик числа фактически действующих, но юридически не признаваемых религиозных объединений.

Назвать можно и некоторые другие факты, осложнявшие послевоенную ситуацию в религиозной сфере. Ужесточенный в 1948 г. паспортный режим и введение системы режимных областей оказались удобным инструментом для избавления от неудобных своей активностью священников. Органы МВД, МГБ составляли списки нежелательных фигур. Православное духовенство было охвачено новой волной репрессий. Хотя аресты не носили тотального характера, как в 1930-е гг., но затронули преимущественно тех священнослужителей, которые ранее уже отбыли наказание за «антисоветскую пропаганду и агитацию» или «скрытую контрреволюцию». В мае 1948 г. началась перепись членов церковных советов на территории всей страны, что давало возможность выявления среди церковного актива лиц «не внушающих доверия».

Что же Советы «по делам религий»? Они протестовали против массового закрытия церквей и молитвенных зданий; осуждали проявляемое при этом административное рвение властей и спецслужб; поддерживали ходатайства религиозных центров по вопросам более щадящего налогообложения духовенства, свечных заводов и мастерских, правил пользования землей монастырями. Как пример, в ноябре 1948 г. Карпов напрямую обращается к И. Сталину с письмом. Он приводит аргументы в пользу открытия церквей, ибо только это, по его мнению, может предотвратить расширение «нелегальной церковной деятельности», возглавляемой, как правило, «враждебными церковными элементами», и сократить количество «недовольных» среди верующей части населения⁴. Нельзя не поразиться настойчивости председателя Совета в отстаивании своей позиции, граничащей с безрассудством, т. к. он уже знал о решении Политбюро, отменяющем мартовское распоряжение СМ СССР об открытии 18 церквей и 10 молитвенных домов в различных регионах страны⁵. Очевидно, в данном случае он поступал скорее как представитель органов госбезопасности, которым свойственно оперировать именно подобного рода аргументами.

Что же произошло, в чем причина торможения?

Рискну начать с внешнеполитического аспекта. Холодная война после известной Фултонской речи У. Черчилля (1946) стала реальностью: мир раскололся на две противоборствующие системы. Во главе одной – США, второй – СССР. Обе стороны в равной мере учитывали возможности религиозных организаций, во-первых, в защите своих внутри- и внешнеполитических целей, и, во-вторых, в контрпропаганде на международной арене. Активными «проводниками» идеологии, мировоззрения и ценностей западного мира были Ватикан, Англиканская церковь, Евангелическая церковь Германии и др., которые, подчас осознанно, вторгались и в сферу большой политики. Что говорить, и для светских, и для церковных структур тема религиозных свобод в СССР казалась заведомо беспроигрышной. «Естественным» союзником советского государства становилась, прежде всего, Русская православная церковь, хотя и иные религиозные ор-

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 291. Л. 244.

⁵ Формальным поводом такого решения было то, что оно подписано К. Е. Ворошиловым. Политбюро указало Ворошилову «на то, что он поступил неправильно, подписав распоряжения Совета Министров СССР об открытии церквей и молитвенных домов в ряде населенных пунктов, так как такого рода распоряжения должны утверждаться Советом Министров СССР» (Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 273).

ганизации «допускались» правительством к участию во внешнеполитической деятельности государства.

Присутствие религиозного аспекта в противостоянии двух миров – тема вполне самостоятельная. Потому просто примеры точек столкновения.

Советское руководство выступало за послевоенное политическое обустройство Европы «без Ватикана». США, Великобритания допустить этого не желали, всячески поддерживая Ватикан и как субъект европейской политики, и как субъект религиозного обустройства Европы, и как возможность проникновения в СССР через католические и униатские объединения. В ответ – акции «наказания» Ватикана: наступление на католицизм в Прибалтике, разгром Греко-католической церкви в Западной Украине и странах народной демократии (Польша, Румыния, Чехословакия), «воссоединение» униатов с Русской православной церковью, объединение православных церквей и призыв ко всем христианским организациям изолировать Ватикан.

Активная работа д-ра В. А. Виссерт-Хуфта по созданию Всемирного совета церквей (ВСЦ) вполне укладывалась в противодействие Московской патриархии сплотить вокруг себя, через всемирную конференцию, христианский мир. И если западный мир всячески поддерживал ВСЦ, то за спиной Московской патриархии – Советский Союз и страны народной демократии.

Или еще... Германия и США благожелательно, материально и организационно относились к Русской православной церкви за рубежом, надеясь на то, что ее действия наносят удар по внешнеполитическим актам Русской православной церкви по «собираению» под свою юрисдикцию всех ранее ушедших от Москвы православных обществ. Понятно, что Москва делала все, чтобы обеспечить проникновение своего влияния через православные общества на закрытые в политическом смысле для нее территории. Отсюда эпоха длительного противостояния Московской патриархии и зарубежной церкви.

Названные примеры одновременно являются направлениями в деятельности обоих Советов, т. е. вероисповедной политики советского государства.

В выявлении причин приостановки в конструктивном развитии государственно-церковных отношений обратимся к внутривнутриполитической ситуации в стране. Надеждам на послевоенные перемены к лучшему не суждено было сбыться. Вместо этого – ужесточение репрессий против «космополитизма», «антипатриотов», «инакомыслия» и «инакомыслящих», против всех, кто не мог довольствоваться официальными идеологическими постулатами. На этом фоне вскоре громко зазвучали голоса тех, кто расценивал потепление государственно-церковных отношений в военный период как явление

«вредное» и призывал к «закручиванию гаек» и «наступлению» на религию.

«Церковники» и «религиозники» вновь становились удобной мишенью для обвинения их в проведении «антисоветской», «вражеской» агитации и деятельности. В разряд «гонимых» попадали лютеране, иудеи, католики, но особенно доставалось «сектантам», под которым, прежде всего, понимались объединения евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, адвентистов, Свидетелей Иеговы. Первый удар был нанесен в 1951 г. в отношении Свидетелей Иеговы, подвергшихся массовым высылкам в Сибирь и Среднюю Азию⁶.

Изменения произошли и «над» советами. В марте 1946 г. обязанность кураторства деятельности советов переходит к К. Е. Ворошилову. Он же в феврале 1947 г. становится председателем Бюро по культуре и здравоохранению, на которое было возложено руководство советами. В течение 1947–1949 гг. Карпов и Полянский, неоднократно приходя на прием к своему «куратору», говорили, что им все чаще приходится сталкиваться с распространенным среди партийных и советских руководителей мнением о «ненужности» и даже «вредности» работы советов. Ворошилов, хотя и относился одинаково хорошо к Карпову и Полянскому и считал их деятельность полезной, нужной как минимум еще на 20–30 лет, выступать против намечающейся линии на «борьбу с религией» не решался. Отсюда его «рекомендации» сдержанно относиться к регистрации новых обществ и строительству культовых зданий; отказ поддерживать предложения председателей по образованию всесоюзных центров у мусульман, иудеев, старообрядцев.

В результате год от года число зарегистрированных религиозных объединений сокращалось. Если на начало 1948 г. учтены были 20 459 обществ, то на начало 1953 г. – 18 591. Тогда как число незарегистрированных объединений продолжало расти. Например, в 1950 г. их насчитывалось свыше двух тысяч: мусульмане (647 групп), католики, иудеи, старообрядцы (184), евангельские христиане-баптисты (841), пятидесятники (свыше 500).

Нет сомнений, что оба председателя отлично понимали, что ситуация менялась не к лучшему в результате появления на поле государственно-церковных отношений нового игрока – правящей партии. Своим идеологическим структурам она ставила задачи – погасить критический настрой в обществе, выработать формы и методы противостояния западной пропаганде в условиях разгорающейся холодной

⁶ См.: Одинцов М. И. Совет министров постановляет: «Выслать навечно!» М., 2002.

войны, «оживить» антирелигиозную пропаганду и всяческую борьбу с религией.

Деятельность советов попала в поле внимания партии. Начали с Совета по делам Русской православной церкви, желая выяснить, как он «помогает» партии в противостоянии религии и церквям. В начале 1947 г. в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) сложилось мнение: совет не совсем правильно понимает свои задачи и в этом отношении его следует поправить. Вопрос о работе совета был вынесен на Секретариат ЦК ВКП(б). Секретариат (28 октября 1947 г.) признал, что в документах совета наличествуют «политически неправильные и ошибочные положения». В частности, совет преувеличивает состояние религиозности населения и степень лояльности православного духовенства к власти. По существу, совету высказано было политическое недоверие и выражено сомнение в целесообразности его существования.

Приходится лишь в очередной раз поражаться устойчивости Карпова. В эти же самые дни, в октябре 1947 г., он вошел в ЦК и Совмин с предложением провести в СССР летом 1948 г. Совещание глав автокефальных церквей, приурочив его к празднованию 500-летия автокефалии Русской православной церкви. На совещание (июль 1948 г.) прибыли главы или их представители от 11 из 13 автокефальных православных церквей, что свидетельствовало о высокой степени сплоченности православного мира вокруг Русской церкви и поддержке общего курса против Ватикана и ВСЦ.

Но властям, как представляется, не хватало «мирового триумфа» – объединения всех православных церквей вокруг Московской патриархии и перенесения центра всемирного православия в Москву с присвоением патриарху Московскому и всея Руси титула Вселенского. Это стало обстоятельством, определившим исключение религиозной сферы из числа приоритетных интересов государственной власти, привело к охлаждению отношений государства с Русской православной церковью, что в итоге положило конец поступательному развитию государственно-церковных отношений в Советском Союзе.

Вот этим «зазором» между государством и религиозными организациями и воспользовалась правящая партия. Идеологическая организация имеет в запасе и идеологические способы борьбы с неполюбившимся ей явлением. ЦК партии уже сформулировал свой взгляд на мировоззренческую ситуацию в обществе. Для него налицо – «активизация церковников» при «полном бездействии партийных организаций в антирелигиозной пропаганде». И с тем, и с другим следовало вести борьбу, и в ней должны активно участвовать Советы «по делам религий».

С осени 1948 г. в недрах Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) под руководством секретаря ЦК М. А. Суслова готовится проект постановления ЦК партии «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний». Осознавая, чем это грозило, Карпов 5 ноября 1948 г. пишет докладную записку Сталину. Он протестует против «антирелигиозной работы», которая носит антицерковный характер и сопровождается политическими выпадами против духовенства; предупреждает, что «не время искусственно ухудшать отношения между церковью и государством, возбуждая недовольство верующих масс». Более того, призывает не препятствовать обрядовой, издательской, учебной и другой деятельности православной церкви, которая лояльна к государству и «патриотическая работа» которой не может быть сброшена со счета. Карпов просил укрепить совет, повысить его престиж и служебно-правовое положение сотрудников совета и его уполномоченных. Председатель вновь выдвинул идею объединения Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов и создания на этой основе Совета по делам религиозных объединений. Вызванному в отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Карпову указали на «нецелесообразность» и «несвоевременность» всех его предложений.

Между тем проект «антирелигиозного постановления» в начале 1949 г. был готов и ждал утверждения Политбюро. В нем было выражено однозначно негативное отношение к деятельности советов и их уполномоченных на местах. Они обвинялись в содействии «церковникам», тогда как линия их поведения должна заключаться во всемерной поддержке борьбы с «оживлением деятельности церковников». Предложены были и конкретные меры: ликвидация института уполномоченных совета по всей стране, выговор Г. Г. Карпову «за грубое нарушение директив партии и правительства об отношении к церкви и превышение предоставленных прав».

Отдел пропаганды будто ждал удобного момента, чтобы проект стал постановлением Секретариата. И он нашелся. В «Правде» от 19 февраля 1949 г. публикуется фельетон «Саратовская купель» о традиционном праздновании Крещения в Саратове, на берегах Волги, с освящением воды и купанием в проруби. Шумиха в партийных органах и в печати поднялась знатная. Все было представлено как нарушение советских законов, как «экспансия мракобесия», как «попустительство религиозникам» со стороны местных властей и областного уполномоченного совета, да и совета в целом.

Карпов предпринял попытку переломить ситуацию. Поздно вечером 24 февраля 1949 г. он был принят Сталиным в присутствии членов Политбюро: Н. А. Булганина, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова, Л. П. Берии, Н. А. Вознесенского, А. И. Микояна, В. М. Молотова, А. Н. Косыгина. Мы не знаем, что произошло

за закрытыми дверями, но последующие события показали, что разворачивающейся антирелигиозной истерии заслон поставлен не был. Более того, спустя три дня на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) был заслушан вопрос «О недостатках в работе Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР». В проекте постановления Карпову вменялись «грехи», суть которых сводилась к следующему: совет превышает свои полномочия, давая местным органам власти противозаконные распоряжения, ориентирующие на широкое проведение крестных ходов, молебнов, крещенских водосвятных и иных обрядов; совет «срачивается с организацией церковников и высшим духовенством»; уполномоченные совета видят свое главное назначение в обеспечении всемерной активизации церковных организаций; все вместе взятое наносит прямой ущерб задачам коммунистического воспитания трудящихся. Постановляющая часть гласила: «За грубое нарушение директив коммунистической партии и советского государства по вопросам религии и церкви и превышение предоставленных прав председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР т. Карпову объявить выговор». Другим пунктом «ликвидировался» институт уполномоченных по всей стране.

С февраля 1948 г. по май 1949 г. решалась судьба Карпова и совета в целом. Можно предполагать, что не все в высших эшелонах партии «желали крови». Проект решения Оргбюро ЦК от 28 февраля так и остался проектом. Вместо него был подготовлен новый проект – «О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника “крещения” в г. Саратове», куда перекочевали некоторые из «претензий» к Карпову, и который был показан Сталину. Тот «добро» не дал, о чем свидетельствует сделанная красным карандашом на проекте рукой М. А. Суслова надпись: «Решение не принималось. Вопрос был т. Маленковым лично доложен т. Сталину». Запущенная в ход машина устрашения и расправы была остановлена. По всей видимости, в период разработки политических «Ленинградского дела», «дела Госплана» Сталин не считал столь актуальным и своевременным «запускать» «дело Совета по делам Русской православной церкви». Все же ЦК партии, чтобы сохранить хорошую мину при плохой игре, в июле 1950 г. рассмотрел на Секретариате вопрос «О работе Совета по делам Русской православной церкви с кадрами Уполномоченных» и обязал совет «укрепить кадры Уполномоченных». Но это решение было уже скорее на руку Карпову, который смог в ходе выполнения постановления ЦК избавиться от наиболее одиозных уполномоченных.

«Антисоветская кампания», организованная отделом пропаганды и агитации ЦК партии в 1947–1950 гг., свидетельствовала о том, что контроль за деятельностью Совета по делам Русской православной

церкви вышел из зоны ответственности государственных органов власти и перешел в орбиту влияния идеологических структур ЦК ВКП(б).

Стремясь стабилизировать ситуацию в государственно-церковных отношениях, Карпов ищет то, что могло бы объединить интересы государства и церкви. В 1951 г. такой темой стало участие Русской церкви в движении сторонников мира. Никто церковь к этому не принуждал, никто ее никуда не заталкивал – все это домыслы. Патриарх Алексий и митрополит Николай (Ярушевич) сами выступили с такой инициативой, выражающей гражданскую позицию верующих и духовенства, и просили Карпова содействовать положительному отношению к ней правительства. Карпову удалось этого добиться, а это в свою очередь потянуло за собой положительное отношение и к другим проблемам церкви: пополнение епископата; сохранение числа приходского духовенства; оживление деятельности епархиальных управлений; возобновление практики посвящения в духовный сан мирян; возвращение ранее уволенных за штат священнослужителей. Самым громким мероприятием по этой линии, поддержанным обоими советами, стала Конференция всех церквей и религиозных объединений в СССР (май 1952 г.).

Вообще, мы мало знаем о внутренней «кухне» советов. Подчас очень поверхностно и поспешно судим о людях, которые там работали; с позиции дня сегодняшнего; забываем, что они жили и действовали в иных, чем сегодня, обстоятельствах, и оценку их деятельности надо давать с учетом той идеологической, социально-политической и правовой реальности, в которой они существовали.

В начале 1950-х гг. жизнь советов, казалось, вошла в прежнюю колею. Небольшие коллективы жили жизнью подобных им организаций того времени – вместе отмечали государственные праздники, выезжали за город, участвовали в художественной самодеятельности, сажали картошку на выделенных участках земли, организовывали соцсоревнование и товарищеские матчи по шахматам и волейболу. Активно работали кружки политучебы и по изучению биографии И. В. Сталина. На профсоюзных собраниях обсуждались проблемы укрепления трудовой дисциплины; предъявлялись руководству претензии – выделить комнату для Красного уголка, выделить спецодежду для дежурных, сделать форточку в спецчасти и т. д. Стали заметно чаще проводиться совместные мероприятия обоих советов: совещания и семинары уполномоченных, объединенные заседания руководства для решения вопросов, представляющих обоюдный интерес. Появились такие формы работы, как межведомственные консультативные совещания с участием представителей советов, министерств юстиции и госбезопасности РСФСР, Генпрокуратуры СССР, Верховного суда СССР.

Время от времени выявляемые в архивах материалы убеждают, что в аппарате совета сталкивались разные точки зрения на политику государства в отношении религиозных объединений. К примеру, в ноябре 1952 г. И. В. Полянский пишет конфиденциальное письмо секретарю ЦК КПСС Г. М. Маленкову: «Некоторые ответственные работники, вплоть до члена Совета, начали добиваться резкого изменения тактики в отношении религиозных центров. Конкретно этими работниками выдвигаются предложения: активно вмешиваться во внутреннюю жизнь религиозных центров вплоть до запрещения им рассылать своим верующим обращения, связанные с проведением религиозных праздников; лишить центры права планирования доходов и расходов денежных средств, собираемых в мечетях, костелах, церквях и т. п. молитвенных зданиях; заставить центры дать указание о сокращении количества религиозных праздников; взять курс на закрытие католической духовной семинарии; не позволять представителям религиозных центров выезжать в подчиненные им мечети, костелы, церкви; и т. п. предложения, имеющие своим назначением не вызванное ущемление этих центров». Полянский четко заявляет свою позицию: не вести политику искусственного «ограничения и ликвидации» религиозных центров; не превращать Совет в «государственный орган борьбы с религией», избегать вмешательства во внутреннюю жизнь религиозных центров и организаций.

И партийные идеологи, и Советы, и руководство Московской патриархии и других религиозных организаций – все понимали, что продолжительность достаточно «спокойных» государственно-церковных отношений начала 1950-х гг. будет всецело зависеть от продолжительности жизни одного человека – И. В. Сталина. Но... март 1953 г. наступил, и вся страна оказалась на пороге нового времени.

* * *

После смерти Сталина наступила ситуация неопределенного настоящего и неизвестного будущего советов. Карпов и Полянский сохраняли верность идеям конкордата 1943–1944 гг. и желали их конструктивного развития, вплоть до отмены постановления 1929 г. и принятия нового законодательного акта, регулирующего деятельность религиозных объединений; возобновления регистрации религиозных объединений.

Но в сферах партийно-государственных, от которых только и зависела судьба государственно-церковных отношений, происходили процессы, неподвластные Карпову и Полянскому. Возглавлявшие союзное правительство Г. М. Маленков (1953–1955) и Н. А. Булганин (1955–1958) не вникали в государственно-церковные отношения, не считая их первостепенной проблемой внутренней политики

государства. Они, в отличие от Сталина и Молотова, осознанно отдавали инициативу в формировании церковной политики партийным инстанциям и выражали готовность выполнять их указания.

Перестройка в вероисповедной политике: от прежнего «конкордата» к партийно-идеологическому диктату на содержание, сущность и направленность вероисповедной политики продолжалась в течение последующих пяти лет. Советам удавалось удерживать религиозную статистику, а значит, и ситуацию на местах, взаимоотношения верующих и власти в более или менее стабильном состоянии. Если на начало 1953 г. насчитывалось 18 591 объединение, то на начало 1958 г. – 18 564. Можно сказать, что 1958 г. замкнул начавшийся в 1943 г. период нормализации и стабилизации государственно-церковных отношений. Последующие годы, вплоть до 1965 г., будут связаны с политикой партии и государства, возглавляемых Н. С. Хрущевым, когда все положительное, что было достигнуто в предшествующий период, получит критическую переоценку, будет расценено как отступление от «ленинской вероисповедной политики», как проявление «сталинизма», с которыми необходимо бороться.